

Мария Игоревна Знобищева родилась в Тамбове. Окончила Институт филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Кандидат филологических наук. Печаталась в журналах «Подъём», «Наш современник», «Вопросы литературы», «Волга — XXI век», «Крещатик», в «Литературной газете». Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, премии им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Автор многих книг стихотворений и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Тамбове.

Мария Знобищева

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(Лирика Г.Р. Державина как средоточие поэтической энергии будущего)

280-летний юбилей Гаврилы Романовича Державина — великолепный повод вспомнить о том, чем жила и живет русская поэзия на протяжении трех столетий, чем она обязана одному из самых ярких и своеобразных художников рубежа XVIII—XIX веков.

Всякий раз, когда начинается разговор о Державине, возникает ощущение, что говорить предстоит не только и не столько о биографии и творчестве выдающегося поэта, сколько о законах зарождения и развития поэтического гения вообще, о природе творчества и специфике русской жизни.

Навечно вписанное в историко-литературный ряд и занявшее в нем место между Ломоносовым и Пушкиным, имя Державина, с одной стороны, служит промежуточным звеном между ними, с другой — ясно показывает ощутимые различия между тремя этапами формирования отечественной словесности и культуры в целом.

Об отличии предмета державинской поэзии от предметов, вдохновлявших Ломоносова, в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» писал Н.В. Го-

голь: «...Не отвлеченные науки, но наука жизни его занимается. Оды его обращаются уже к людям всех сословий и должностей, и слышно в них стремление начертать закон правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях».

Как представители эпохи классицизма, Ломоносов и Державин, в равной степени воспринимавшие себя продолжателями «славных дел Петровых», различны направленностью творческих усилий: стихи для первого — лишь средство передачи знаний о мире, форма фиксации впечатлений и наблюдений, для второго же поэзия — главное дело жизни, самоценное и не нуждающееся в дополнениях.

Ломоносов осваивал необозримое русское пространство во всей его широте, намечая разнообразные подходы к будущему «объятию необъятного». Державин, подобно водопаду из одноименного стихотворения, направил свои устремления в глубину, в недра языка и культуры. Только теперь, отойдя на почтительное временное расстояние, можно с изумлением сказать о его поэзии и о нем самом: «Алмазны сыплется гора...»

Именно Державин вписал в парадигму традиционных представлений о русской поэзии профетическое начало с его установкой на общественную миссию поэта. Эти идеи органично восприняли Пушкин и поэты пушкинской плеяды, Гоголь, а затем Лермонтов, Некрасов, Есенин, Евтушенко и многие другие.

Поэт как глашатай правды, в разных своих ипостасях угодный или не угодный русскому пространству, — один из главных лирических героев отечественной поэзии. Его путь к душе читателя — узкая инициальная тропа, проходящая по страшным и прекрасным местам. И проложена, пробита эта тропа Державиным. Спускаясь все глубже, в область архетипического, державинская лирика уподобляется той самой «реке времен», о которой писал он в своем последнем, предсмертном стихотворении:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Эта подземная река продолжает питать поверхностные реки, сохраняя обжигающую чистоту первоисточника. От вкуса этой воды у неподготовленного читателя сводит скулы: слишком густо и встык соседствуют, переплетаясь, слова из низших и высших сфер, слишком дерзко соединяются громоздкие архаизмы и тонко ограненные бриллианты авторской речи — слишком все чудно, торжественно, вычурно и громадно.

О художественных же различиях Державина и Пушкина лучше всего свидетельствует сопоставление двух «Памятников», не раз отмеченное литературоведами. Фиксируя собственный след в истории и культуре, Державин упоминает о том, что он «истину царям с улыбкой говорил». Для эпохи рубежа веков и с учетом того, как труден был путь поэта к славе, сама возможность «разговора с царями» кажется революционной. Что уж говорить о разговоре «с улыбкой»? Неутомимый правдоискатель, плохо сходящийся с людьми из-за неумения закрывать глаза на кражи, коррупцию и прочие виды подлости, Державин не раз попадает в опалу из-за не в меру бурной административной деятельности. Его жизнетворческой и поэтической задачей было воспитание и просвещение Человека в соответствии с представлениями о долге и чести. И человек этот непременно должен был быть благородным и благодарным сыном Отечества.

Пушкин же совершает следующий шаг: «...в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал...» В пушкинском «Памятнике» звучит мотив разделения поэта и власти (превосходства вечной славы над временной: «вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа...»), что было непредставимо и нелепо в рамках проблематики державинского творчества. «Памятники» Державина и Пушкина отстоят друг от друга, как «Ветхий» и «Новый Завет», в чем-то повторяя структуру и пафос друг друга, а в чем-то коренным образом отличаясь.

Эти внутренние несходства обнаруживают мировоззренческую разницу двух поколений, воспитанных в эстетике классицизма и реализма, демонстрируют веру Державина в «доброе государство» и «плохих чиновников» (ода «Фелица»), надежду на изменение общества посредством не только поэтического слова, но и буквы Закона — Божьего и человеческого: «Восстал всевышний Бог да судит / Земных богов во стане их...» («Властителем и судиям»). Пушкинский «Памятник», минуя уверения в верноподданничестве, приводит к мысли о бессмертии души. В многочисленных же стихотворениях Державина о смерти нет ни единого намека на «жизнь будущего века». Тем не менее, сознание конечности бытия выливается у Державина в гимн жизни, любованию всей полнотой ее даров и красок, утверждение необходимости действовать здесь и сейчас.

Так, в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» поэт описывает день помещика, где усадьба и ее обитатели представляют собой лучезарный космос, подчиненный общим законам бытия. Начиная день с осмотра имения, наблюдений за ведением хозяйства, поэт описывает хозяйственные хлопоты и счастливые часы отдохновения, служащие наградой за честный труд. Кульминация произведения — описание обеда:

...Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!
Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опратно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровый.

Дары стихий (воды, земли, небес), сочетание разных цветов радуги (красный, желтый, зеленый, голубой) создают ощущение завершенности: чаша бытия наполнена до края.

Поэзия Державина созидательна, как сама его жизнь. Находясь на посту губернатора Олонецкого края (1784–1785), а затем будучи главой Тамбовского наместничества (1786–1788), Державин исписывал кипы бумаги жалобами на произвол местных вельмож, ратовал за открытие образовательных и лечебных учреждений. Он многое делал в *этой* жизни, не уносясь мыслями подальше от «презренной действительности» в область поэтических грез, не брезгуя приемом многочисленных просителей, «сирот и вдов», личным участием в хозяйственных подсчетах и разметке городских улиц.

При Державине в Тамбове открылись сиротский приют, больница, богадельня, народное училище, театр, типография, стала выходить одна из первых в Рос-

сии провинциальных газет «Губернские ведомости». В учебнике по литературному краеведению, изданном в Тамбове в 2007 году Л.В. Поляковой и В.Т. Дорожкиной, в частности, сообщается: «Кроме официальных бумаг в типографии печатались и литературные произведения: переводы с немецкого и французского, которыми занимались, по просьбе наместника, просвещенные тамбовские дамы — Елизавета Корнильевна Нилова и Варвара Васильевна Голицына; оды Державина, его “Пролог на открытие в Тамбове народного училища”, “Речь, говоренная Захарьиным...” и другие сочинения».

Память о Державине до сих пор жива в Тамбове. В 1916 году в ознаменование 100-летия со дня его кончины улица Бибиковская была переименована в Державинскую. Имя поэта присвоено гимназии № 12 и Тамбовскому государственному университету, где ежегодно проходит Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Державинские чтения». 16 июля 1994 года на улице Державинской был открыт памятник поэту работы скульптора К. Малофеева и архитектора А. Куликова. В истории города Державин оставил след, сопоставимый с деятельностью Петра I в масштабах России, что говорит о значимости того жизнестроительства, которое было заслугой Державина-человека, Державина-наместника. И все же в истории культуры он остался, прежде всего, как поэт.

Периоды интенсивной государственной деятельности сменялись у Державина желанием отстраниться от «дразг и суеты». За время пребывания в Тамбовском крае было написано немного: оды «Желание зимы», «На смерть графини Румянцевой», «Осень в селе Зубриловке» («Осень во время осады Очакова»), «На посещение в Тамбове типографии епископом Феофилом», «Торжество восшествия на Престол Ее Императорского Величества Екатерины Второй, отправленное в Тамбове 1786 года июня 28 дня»; «Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища» и некоторые другие. Зато, выходя в отставку, Державин погружался в поэтическую стихию со всей страстью своего восточного темперамента, и тогда из-под его пера выходили подлинные шедевры: стихотворения «Властителям и судиям», «На тщету земной славы», «Облако», «Водопад», «Снегирь», «Признание» и до сих пор не превзойденная по красоте и полноте выражения мысли ода «Бог».

В своей книге о Державине В. Ходасевич зафиксировал любопытное семейное предание: «...Было ему около года, когда явилась на небе большая комета с хвостом о шести лучах. В народе о ней шли зловещие слухи, ждали великих бедствий. Когда младенцу на нее указали, он вымолвил первое свое слово: “Бог!..”» С этим словом благословения Державин входит в русскую поэзию, как бы освящая только что построенное жилище. Божественное в человеке и человеческое в Боге — вот, пожалуй, главный предмет изображения Державина. Его лирику нельзя назвать религиозной в привычном понимании этого термина, однако она исполнена абсолютной веры в гармоничность божественного замысла и безграничность человеческих возможностей:

Гавриил Романович
Державин

...Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Знаменитый афоризм Державина: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь — я раб — я червь — я бог!» — это новая эпоха в философии художественного творчества, без которой, как думается, был бы невозможен сам Пушкин.

Большая и мощная река державинского дарования напитала собой тысячи прочих рек, речушек, озер и ручьев, русла которых, на первый взгляд, лежат едва ли не в других поэтических полушариях. Отголоски поэтического языка Державина, художественных открытий, перечисление которых заняло бы целую страницу, звучат в лирике Пушкина: («Воспоминание о Царском Селе», «Буря», «Пора, мой друг, пора...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), Баратынского («Осень», «Череп», «Бокал»), Лермонтова («Поэт», «Журналист, читатель и писатель», «Выхожу один я на дорогу...»), Тютчева («Весенняя гроза», «Цицерон», «Лето 1854»), Блока («Гамаюн»), Ахматовой («Лотова жена»), Мандельштама («Отравлен хлеб, и воздух выпит...», «Разговор о Данте») и многих других.

Неочевидна, к примеру, связь Державина с русскими футуристами, однако в державинской поэтике классицистические приемы сочетаются с любовью к формальному эксперименту (стихи-фигуры, акrostихи), мастерству звуковой аранжировки, тяготению к афористичности и парадоксальности. К примеру, поэт и литературовед С.Е. Бирюков отмечает, что последнее стихотворение Державина «Река времен» представляет собой акrostих «РУИНА ЧТИ», то есть «Руина чести», и предлагает воспринимать его как констатацию тщетности всего земного.

Новаторская поэзия футуристов, построенная из разнородного словесного материала, удивительным образом повторяет колоссальную работу Державина по собиранию русского поэтического космоса, который, словно во Дни Творенья, вбирал в себя все, что являлось на свет. Архаизмы, соседствующие у Маяковского и Хлебникова с окказиональной лексикой, по сути, служат той же цели, которой служили у Державина. Тогда, на рубеже XVIII — XIX, и после, на стыке XIX — XX веков, творился новый язык, и главными его создателями были поэты.

Любопытна, к примеру, тонкая звуковая переключка знаменитого хлебниковского «зинзивера» с его «кузовом пуза» и державинского «Кузнечика». В приведенном фрагменте плотная ткань силлабо-тоники мерцает золотинками аллитераций с «з», «с», «ц», «ч», «т», «п»:

...Песнопевец тепла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитель света,
Всеми музами любим!
Вдохновенный, гласом тонким
На земле ты знаменит,
Чтут живые и потомки:
Ты философ! Ты прити!

Чист в душе своей, не злобен,
Удивление ты нам:
О! Едва ли не подобен
Мой кузнечик, ты богам.

Оба текста построены на звукоподражании, а предмет их изображения вписывается в общее для Державина и Хлебникова ощущение единства тварного мира, в котором голоса птиц, насекомых, зверей звучат также полновесно, как человеческая речь. С державинской поэтикой роднит футуристов и языковая живописность. «Поэзия есть говорящая живопись», свидетельствует Державин в «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде». Сам поэт проявляет себя не только как мастер пейзажа и натюрморта, но и как непревзойденный портретист. Так в стихотворении «Русские девушки» встречаем импрессионистический прием цветочных и световых переходов:

Зрел ли ты, певец Тииский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склоняся главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врзала любовь?..

Современно и по-человечески тепло звучат стихотворения Державина о близких людях, о природе и братьях наших меньших («Лебедь», «Ласточка», «Синичка»). Малые формы его лирики, в которой ярко и органично звучат фольклорные мотивы с их камерной атмосферой, стоят у истоков русской исповедальной лирики, органично продолженной Некрасовым, Фетом, Есениным, Рубцовым, Соколовым.

Наконец, еще одной важной чертой державинской поэзии следует считать сплав иронии и лирики, формирующий особый ракурс художественного зрения, характерный для большинства русских поэтов. В знаменитых эпиграммах «На птичку», «На болтуна», «Горючий ключ» в известной доле проявляется авторская самоирония. Перешагивая через рамки классицистического канона, Державин в малых формах лирики становится художником-реалистом, приближаясь к нам обаянием «человеческого», отраженного в «вечном». В стихотворении «Правило жить» поэт дает читателю вполне прагматичные советы:

... Утешь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрип ворот,
Заткни собаке хлебом рот, —
Я бьюся об заклад,
Что все четыре замолчат.

Такова палитра чувств и переживаний Державина, взявшего на себя труд во-человечения и одновременного возвеличения образа поэта. «Червь и бог», «царь и раб» в одном лице, Державин заглянул в глубины национального духа, которые,

подобно горному провалу, развернутся спустя полтора столетия перед Достоевским. Он же возвел поэтическое ремесло в особый ранг, обеспечив потомков трудоемкой и занимательной работой по изучению человеческой души на три века вперед. Вы слышите: «Грохочет эхо по горам, / Как гром гремящий по громам...»? Это эхо Державина — в «громокипящем кубке» Тютчева, в плещущих по степи «вагонных дверцах» Пастернака, в оживающих мифологемах русского космоса Юрия Кузнецова.

Соединяя суровой нитью своего дарования разнородные образы и предметы, темы и мотивы, Державин собрал воедино художественный инструментарий, который служит нам и теперь. В философском отношении он взял на себя роль наставника всех *пиитов* будущего, став певцом человеческого достоинства, хранителем и защитником нравственной нормы, позволяющей оставаться сильными в окружении зол любого века.

